

5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М. : Изд-во Эксмо, 2007. – 944 с. – (Библиотека словарей).
6. Маковский М. М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза в индоевропейских языках. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 208 с.
7. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. – М., 1954. – 99 с.
8. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. – М. : “Прогресс”. – Т. II (Е-М), 1986. – С. 671; Т. IV (Т-Я), 1973. – С. 852.
9. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. – К. : “Радянська школа”, 1970. – 597 с.
10. Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителей / под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. Изд. 3-е, испр. и доп. – М., “Просвещение”, 1975. – 543 с.
11. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana / Joan Coromines (2010): Breve diccionario etimológico de la lengua castellana. Tercera edición muy revisada y mejorada, editorial gredos, 2010. – 596 p.
12. Collins English dictionary, Third edition, Harper Collins Publishers, 1991. – p. 1791
13. Dizionario etimologico / redazione Diego Meldi (2005): Dizionario etimologico. Edizione Aggiornata. Rusconi libri. – Trento, 2005. – 1245 p.

Карпенко У. О. Трансформація значень першокореня слова “лебідь”.

У статті вивчається розвиток кореня слова “лебідь”, розглядається поняття першокореня, трансляція його смислу та трансформація значень.

Ключові слова: *смысл, значения, этимология, першокорінь.*

U. Karpenko. The transformation of the meanings of the primary root of the word “lebed”.

The article deals with the development of the primary root, found in the word “lebed”, the concept of the primary root, translation of it’s sense and transformation of it’s meanings.

Keywords: *sense, meaning, etymology, primary root.*

Коч Н. В.

***Николаевский национальный университет
имени В. А. Сухомлинского***

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В статье рассматривается историко-лингвистический аспект проблемы генезиса восточнославянских языков. Когнитивный диахронический подход к исследованию близкородственных языковых систем – один из путей решения этой проблемы.

Ключевые слова: *генезис восточнославянских языков, древнерусский язык, когнитивная диахроническая лингвистика.*

Наметившаяся в последние два десятилетия в украинской лингвистике тенденция к установлению новых хронологических рамок функционирования украинского национального языка носит дискуссионный характер. Сложный

вопрос национальной самоидентификации с помощью языка проецируется на социальную и политическую жизнь государства, что выносит вопрос генезиса восточных славян за рамки лингвистических исследований. Ведущаяся в Украине полемика по поводу происхождения древнерусского языка и степени генетической связи белорусского, русского и украинского языков многоаспектна, однако сводится, в основном, к двум вопросам: *существовал ли такой феномен как древнерусский (общевосточнославянский) язык?* и *когда возникает украинский национальный язык?* (В. В. Нимчук, Г. П. Пивторак, А. А. Тараненко, В. И. Теркулов и др.) [6; 7; 8; 12; 13]. У ряда украинских языковедов вызывает возражение традиционная периодизация эпохи XI–XVII веков как периода *донационального* развития восточнославянских языков. В выделенном термине усматривается попытка лингвистов (в основном постсоветского пространства) установить более поздние рамки появления национального украинского языка. Острота дискуссии усиливается за счет политизации языкового вопроса в независимом украинском государстве. Статья представляет собой попытку проанализировать сложившуюся ситуацию в историко-лингвистическом аспекте и наметить пути решения актуальной не только для современного языкознания, но и других гуманитарных наук проблемы.

Суть споров, прежде всего, можно свести к метафорическому определению “война терминов”. О термине “древнерусский язык” с неприемлемым для ряда полемистов корнем *рус-* и его замене на более уместное в политическом контексте название (один из вариантов – *общевосточнославянский*) много дискутировали в начале 90-х годов прошлого века, что отражено в материалах лингвистических, исторических, социологических журналов этого периода. Не утихают эти споры и по сей день. Традиционно лингвистический вопрос переносится в социальную и политическую сферу жизнедеятельности граждан Украины в связи с его включением в проблему самоидентификации нации.

Обратимся к понятию “древнерусский язык”. Общие для восточнославянского этноса названия *Древняя Русь, древнерусский язык, древнерусская культура* вначале не имеют никакой идеологической подоплеки, так как слово *Русь* не отождествляется со словом *Россия* (например, А. А. Потебня рассматривал термин “русский язык” как обобщающий к восточнославянским диалектам). Древнерусская культура как особый феномен, вобравший в себя вместе с христианством греческую и болгарскую (южнославянскую) культуру и контаминировавший новую веру с языческими представлениями, продуцировал общий для всех племен, объединенных до нашествия монголо-татар в одно государство, *древнерусский письменно-литературный язык*. Его реальность не отрицается даже сторонниками взглядов на историческое единство трех народов как идеологический миф: “... Спільною для всієї території Київської Русі (хоч і з

деякими місцевими відмінностями) була давньокиївська писемно-літературна мова” [8, с. 95]. Этот язык (*древнерусский* = *древнекиевский*), тесно взаимодействуя с *церковнославянским*, становится основой формирования белорусского, русского и украинского языков древнего периода. Факт существования единого для восточных славян языка (пусть только письменного), наряду с единой религией, распространившейся в пределах целостной территории государства Русь, и в целом общей культурой свидетельствует о бытовании отдельного от “чужих” народов этноса – *восточнославянского* (о семантическом развитии оппозиции “свой – чужой” в восточнославянской культуре см. нашу монографию [3, с. 103-129]).

В этот период намечается очень важная тенденция, имеющая непосредственное отношение к установлению особенностей формирования восточнославянской ментальности с ее региональной спецификой. Ментальный “раскол” восточнославянского этноса происходит, прежде всего, по причине разветвления христианства на *православие* и *католицизм*. Говоря о различиях востока и запада современной Украины, ученые называют причины, лежащие на поверхности современности, забывая о том, что корни всех конфликтов кроются в глубоком прошлом. Именно по причине появления двух направлений в религии христиан фундаментальная оппозиция “свой – чужой” приобретает в украинской культуре особую векторную направленность. Острая борьба православной церкви, которую обслуживал церковнославянский язык, и католической церкви с ее латинскими вербальными манифестациями, отражена во многих прецедентных текстах этого периода (см., например, литературное наследие Феодосия Печерского). Принимая положения теории лингвистической относительности, трудно не согласиться с тем, что славянские и романские языки, генетически и типологически разные, оказали различное влияние на ментальность своих пользователей. Рейреймирование культурного контекста в пределах религиозной концептосферы имеет решающее значение для дальнейшего развития общих и специфических характеристик восточнославянских концептуальных картин мира. Не менее важное значение в этом процессе имеет и развитие белорусского, русского и украинского языков как отдельных систем.

Ряд видных украинских и русских лингвистов в своих работах неоднократно затрагивали проблему генезиса восточнославянских языков, устанавливая различные хронологические рамки функционирования украинского языка. А. А. Потебня относил происхождение украинского языка к предисторическому прошлому. Украинские лингвисты К. Михальчук, П. Житецкий, считали XI век начальным этапом в развитии родного языка. Л. А. Булаховский выделял украинские языковые явления в южнорусской письменности XII–XIII вв. как спорадические, а в письменности XIV в. – как явные и регулярные. Начало формирования и развития

отдельных восточнославянских языков академик А. А. Шахматов относил к XIII в. А. И. Соболевский, несмотря на свою великодержавническую позицию на древний Киев как “великорусскую” область, уже в письменных памятниках XII–XV вв. фиксировал черты украинского языка. Обоснованная критика взглядов С. Смаль-Стоцкого, Е. Тимченко на раннее (праславянское) происхождение украинского языка в работах Ф. П. Филина имеет под собой научную почву, подготовленную многолетними исследованиями лингвистов, историков, географов, археологов [15, с. 32] (о взглядах А. Крымского см. статью В. И. Теркулова [13]). Позиция Ф. П. Филина была поддержана его последователями, среди которых был известный украинский ученый-лингвист Михаил Акимович Брицын, светлой памяти которого и посвящена эта статья.

Несомненно, вопрос о начале формирования украинского языка до сих пор является дискуссионным. Ни один из известных историков языка не отрицает наличия отдельных фонетических и морфологических явлений, свидетельствующих о появлении специфических особенностей украинского языка в памятниках письменности, по крайней мере, с XII века. Однако это были отличия, еще не создающие отдельной языковой системы, но уже имеющие такую потенциальную возможность. Староукраинский язык, функционировавший приблизительно с XIV века и бесспорно имевший до этого времени количественные накопления фонетических, грамматических и лексических различий, которые зафиксированы письменностью с XI в., по всем законам диалектики эволюционного развития должен был иметь протяженный временной отрезок и особые условия для своего качественного скачка, в результате которого и появляется национальный украинский язык в его литературном кодифицированном виде (ср. появление первых грамматик украинского языка в XVI–XVII вв.).

К интралингвистическим причинам различий между современным украинским западным и восточным языковым ареалом, имеющим свои экстралингвистические корни (широкие территориальные возможности расселения, а значит и относительная изоляции племен; нахождение долгое время запада современной Украины под пятой польской и австрийской государственности, а востока – под влиянием Русской империи и т.д.) относится широкое и разноплановое диалектное членение современного украинского языка, вступающего в антиномичные отношения с литературным языком, отношения подчас полярные и непримиримые. Появившиеся в последнее время изменения в нормах современного литературного украинского языка, в частности искусственное внедрение диалектизмов, являются попыткой “примирить” уже сложившуюся традицию с новыми веяниями, часто не имеющими под собой объективной научной почвы.

Говоря о существенных языковых различиях украинцев востока и запада, не все говорят о не менее существенных различиях между

литературным украинским языком и диалектной речью жителей Западной Украины. Интересный и даже поразительный факт сообщил на конференции (г. Ивано-Франковск, 2009 г.) известный исследователь украинской культуры и языка профессор В. И. Кононенко: принимая в университет абитуриентов, проживающих в различных сельских районах (особенно изолированных, горных), преподаватели сталкиваются с тем, что плохо понимают речь своих учеников, как и те речь своих учителей !? Только со временем устанавливается коммуникативная зона понимания. Профессор В. И. Теркулов, анализируя сложившуюся ситуацию между современным национальным украинским литературным языком и народными украинскими диалектами, утверждает: "...нет никакого единого "народного" украинского языка. Но есть литературный, объединяющий, и этого достаточно для того, чтобы говорить, что все диалекты объединены в один единый украинский язык именно фактом существования этого литературного языка. Он – констатирующая реальность, *возникшая тогда, когда украинство как этнос было самоосознанно!*" [13, с. 317] (курсив наш. – К.Н.).

Единый украинский литературный кодифицированный язык, который является основной формой существования национального языка и "индикатором" самосознания этноса, получает возможность развития не ранее конца XVI в. – начала XVII в. С помощью языка через философские и полемические произведения И. Вышенского, З. Копыстенского (XVII в.), Г. Сковороды (XVIII в.) и др. в этот период формируется самосознание украинцев. До XVII в. по объективным историческим причинам (прежде всего, по причине существования Великого княжества Польско-Литовского, в составе которого находились юго-западные земли) развитие украинского (как и белорусского) языка ограничивается определенными функциональными сферами. Староукраинские памятники письменности периода XIV–XV вв. представлены деловым жанром, обслуживающим потребности чиновников Польско-Литовского и Молдавского княжеств (см. перечень источников "Словника староукраїнської мови XIV–XV ст." со вступительным словом исследователя истории восточнославянских языков И.К. Белодеда [11, с. 19-56]); в связи с этим лингвисты анализируют такой феномен, как "украинско-белорусский язык" [9, с. 30-40].

Вопрос самосознания восточных славян эпохи Древней Руси ставился в работах Д. С. Лихачева, Б. Н. Рыбакова, В. В. Колесова, Б. А. Успенского, Б. Н. Флорей и др. На основании анализа памятников письменности исследователи утверждают, что к XI в. у иностранных держав сформировалось представление о земле, населенной "русскими людьми", как о едином восточнославянском государстве с единой этнической общностью. В наших работах по исследованию генезиса концептуальной картины мира восточных славян на материале памятников письменности XI–XVII вв. мы отстаиваем мысль об общей для восточнославянского этноса когнитивной базе лингвокультурных концептов, сформировавшихся в период раннего

средневековья, специфичная языковая представленность которых проявляется в староукраинском, старорусском и старобелорусском языках приблизительно с XV в. [3; 4]. Ключевой концептосферой этого периода является религиозная концептосфера. Ее вербальная презентация наиболее полна и содержит сведения о базовых ценностях этноса восточных славян как целостного исторического образования.

Внедрение в индивидуальное и коллективное сознание наших предков идей Христа происходило благодаря проповедям первых миссионеров на древнем южнославянском языке, который со временем адаптируется к восточнославянскому народному языку, не имевшему письменной фиксации до XI в. Появившаяся параллельно с духовной, светская письменность Киевской Руси является образцом единого на то время языка племен, проживающих на территории древнерусского государства и в дальнейшем мигрировавших в связи с вторжением на их земли войск Золотой Орды. Язык литературных произведений времен Киевской Руси отличался своеобразным смешением старославянского и народно-диалектного языка (точка зрения Г. П. Пивторака – наддиалектного и в большой степени штучного явления [8, с. 95]). Со временем народный язык стал суперстратом и растворил в себе сакральный язык.

Своеобразие церковнославянского языка заключалось в его особой коммуникативной направленности. Однако, говоря о его ограниченности сферой ритуального применения, недооценивается тот факт, что в данный период эта сфера доминировала в социальных отношениях и на аксиологической шкале общества имела высокий идеологический статус. Поэтому такой язык применялся не “время от времени” (Г. П. Пивторак), а регулярно, создавая тот концептуальный каркас, который в дальнейшем определит ход развития основных концептосфер восточнославянской концептуальной картины мира, в частности сакральных. Многие тексты XI–XIV вв. являлись не оригинальными, а переводами с греческого или церковнославянского языков. По словам Ю. М. Лотмана, “...ни один из этапов развития не свободен от столкновения с текстами, извне поступающими со стороны культур, прежде вообще находившихся вне горизонта данной семиосферы. Эти вторжения – иногда отдельные тексты, а иногда целые культурные пласты – оказывают разнообразные возмущающие воздействия на внутренний строй “картины мира” данной культуры” [5, с. 168].

Когнитивный подход к изучению проблемы генезиса близкородственных языков в их взаимодействии с ментальностью своих носителей в рамках *диахронической когнитивной лингвистики* позволяет реконструировать концептуальные пространства, смысловые зоны пересечения которых свидетельствуют о тесном генетическом родстве трех народов. Результатом наших исследований концептуальной картины мира донационального периода развития восточнославянских языков является

описание *диахронического концепта*, характеризующего поступательное развитие коллективного сознания восточнославянского этноса. Именно знания о концепте в динамике его семантического развития дает возможность исследователю выдвигать достоверные гипотезы о механизмах и причинах формирования той или иной этнической общности, о причинах ее распада и характере взаимодействия отдельных этносов. Синхронный концептуальный срез XV–XVII вв. уже характеризуется специфическими этно-национальными чертами и относительной самостоятельностью, которая проявляется на уровне функции культурного транслятора. Синхронический концепт, соответствующий этому срезу, культурно активен в эпоху образования наций и их языков, сформировавшихся в результате накопления количественных системных различий, перешедших в иной качественный статус [4, с. 101-128].

Хронологический срез XI–XVII вв. в истории восточных славян является особым культурным периодом, характеризующимся расцветом, а затем распадом (XIV в.) древнерусского государства, сопровождавшимся постепенным выделением трех восточнославянских народностей в самостоятельные нации и параллельным становлением их национальных языков. Исторические, культурологические, а также многие лингвистические исследования рассматривают этот период как относительно автономный временной и пространственный отрезок, целостный компонент мировой истории, единое ментальное пространство, оригинальную эпоху с единой ценностной шкалой, общей материальной и духовной культурой и языком, интенсивно накапливающим количественные различия, перешедшие к концу XVII в. в новое качество – национальные языки. Перестройка системы древнерусского языка в связи с распадом восточнославянской общности (или восточнославянской языковой общности: например, С. Н. Трубецкой не признавал понятия “славянская общность”, но допускал существование языковой славянской общности) приводит к существенным изменениям в языковой системе, которые окончательно определяются к XVII в., что выражается в образовании трех самостоятельных языков. Хронологические рамки XI–XIV вв. представляет еще единая *лингвокультурная восточнославянская общность*, а временной отрезок XV–XIV вв. отличается интенсификацией процесса накопления когнитивно-языковых различий в ментальности восточных славян при сохранении общей когнитивной базы. Древнерусский и следующий старовосточнославянский период имеют свои характеристики, свой культурный и языковой “портрет”, свидетельствующий об особом характере этого временного среза, сыгравшего определяющую роль в дальнейшем развитии всей восточнославянской культуры. Особая значимость в таком “портрете” принадлежала религиозной идеологии и языку. Именно на границе XVII в. изменилась “система позитивностей”, поэтому этот период для восточнославянского этноса можно определить как “порог новой

позитивности” (термины М. Фуко). В это время существенно изменяется способ бытия человека и окружающих его объектов, что влечет за собой переструктуризацию концептосфер. Происходит коренной перелом как во внешнем мире человека, так и в его внутреннем психологическом пространстве, воспринимающем информацию по-иному. Появляется новая перспектива культурного развития, предполагающая более глубокое обособление культур белорусского, русского и украинского народов.

Вопрос происхождения украинского языка нельзя рассматривать в отрыве от происхождения двух близкородственных языков. Игнорирование фактов тесного генетического родства и приблизительно одинакового времени формирования национальных белорусского, русского и украинского языков приводит как к лингвистическим казусам, так и неоднозначным политическим действиям, результаты которых трудно прогнозировать. Категорическое отрицание факта существования древнерусского языка как общего для восточнославянской общности требует от ученых более серьезных научных аргументов. В последнее время, к сожалению, часто целенаправленно создается ситуация, вызывающая определенное психологическое состояние масс и формирующая социально-психологическую ориентацию украинцев на то, чтобы занять место “старшего брата”. Не имея под собой объективной научной почвы, любая идея, даже такая великая, как национальная, легко может трансформироваться в свою теневую сторону. Не вызывающая сомнения древность белорусского, русского и украинского народов и их несомненное генетическое родство, не дает право ни одному из них претендовать на статус “старшего”. Там, где начинается политика, постоянно устанавливающая идеологическое “старшинство”, заканчивается истинная наука.

Л и т е р а т у р а :

1. *Брицын М. А., Жовтобрюх М. А., Майборода А. В.* Сравнительная грамматика украинского и русского языков : [учеб. пособие для студентов филол. фак. ун-тов и пед. ин-тов] 2-е изд., перераб. и доп. – К. : Вища школа, 1978. – 270 с.
2. *Всемирная энциклопедия: Философия / ред. А. А. Грицанов.* – М. : АСТ; Минск : Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
3. *Коч Н.* Генезис восточнославянской концептосферы в языковом и культурном отражении (эволюционное развитие дуальности *человек – животное*: на материале мифологии, фольклорных источников, памятников письменности XI–XVII вв.). – Николаев : “Илион”, 2010. – 440 с.
4. *Коч Н. В.* Фаунонимы в концептуальной картине мира восточных славян XI–XVII вв. : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.01 “украинский язык”; 10.02.02 “русский язык”. – К. : НПУ имени М. П. Драгоманова, 2011. – 435 с. + 276 с.
5. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
6. *Німчук В. В.* Давньоруська спадщина в лексиці української мови. – К.: “Наукова думка”, 1992. – 412 с.

7. *Півторак Г.* Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов: Міфи і правда про трьох братів слов'янських зі "спільної колиски". – К. : "Академія", 2001. – 152 с.
8. *Півторак Г. П.* Українці: звідки ми і наша мова. – К. : Наукова думка, 1993. – 200 с.
9. *Русанівський В. М.* Пам'ятки давньої українсько-білоруської мови в архівах ПНР // Мовознавство. – 1974. – № 6. – С. 30-40.
10. *Рыбаков Б. А.* Рождение Руси. – М. : АйФ Принт, 2003. – 447 с.
11. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. / ред. Л. Л. Гумецька. – К. : "Наукова думка", 1997. – Т. I. – 630 с. – С. 19-56.
12. *Тараненко О. О.* Український і російський мовно-культурні вектори в сучасній Україні: реальність, політизація, міфи // Мовознавство. – 2009. – № 2. – С. 3-33; № 3-4. – С. 54-80.
13. *Теркулов В. И.* Древнерусский язык и современность // Русский язык и литература в школе и вузе: проблемы изучения и преподавания : сб. научн. работ. – Горловка, 2010. – С. 316-321.
14. *Успенский Б. А.* Избранные труды: Семиотика истории. Семиотика культуры. – М. : Школа "Языки русской культуры", 1996. – Т. I. – 608 с.
15. *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. – Л. : "Наука", 1972. – 656 с.

***Коч Н. В.* До питання про генезу східнослов'янських мов.**

У статті розглядається історико-лінгвістичний аспект проблеми генези східнослов'янських мов. Когнітивний діахронний підхід у дослідженні близькоспоріднених мовних систем – один із шляхів вирішення цієї проблеми.

Ключові слова: *генеза східнослов'янських мов, давньоруська мова, діахронна когнітивна лінгвістика.*

***Koch N. V.* To the question of genesis of East Slavic languages.**

In article the historical and linguistic aspect of a problem of East Slavic languages genesis is observed. A cognitive diachronic approach to the research of closely related language systems is one of the solutions of this problem.

Keywords: *genesis of East Slavic languages, Old Russian language, cognitive diachronic linguistics.*